

Лекомцева Ирина Алексеевна

НАРУШЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматриваются некоторые аспекты соотношения между текстом оригинала и текстом перевода через призму нарушения межъязыковой нормы. Межъязыковая норма определяется как совокупность правил для определения соответствий между единицами исходного и переводящего языков, существенную для данного текста с учетом норм литературного языка и в соответствии с функциональным стилем. Основное внимание в статье уделено анализу примеров нарушения межъязыковой нормы на уровне лексики, грамматики и стилистики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 119-122. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Бродский И. А.** Сочинения (Сочинения Иосифа Бродского): в 8-ми т. / общ. ред. Я. А. Гордина; сост. Г. Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 2. 440 с.
4. **Булгаков М. А.** Мастер и Маргарита: Роман; Собачье сердце: Повесть. М.: Литература, Мир книги, 2006. 480 с.
5. **Бунин И. А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 3. 671 с.
6. **Гудков Д. Б.** Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
7. **Достоевский Ф. М.** Собрание сочинений: в 15-ти т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. 576 с.
8. **Дроздова Н. В.** День пленэра: стихотворения. Белгород: Константа, 2014. 176 с.
9. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
10. **Красных В. В.** Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
11. **Крестовский В. В.** Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных: роман: в 6-ти ч.: в 2-х т. М.: Правда, 1990. Т. 1. Ч. 1-4. 736 с.; Т. 2. Ч. 4-6. 768 с.
12. **Кушнерук С. Л.** Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. Т. 13. С. 146-155.
13. **Нахимова Е. А.** Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. 207 с.
14. **Некрасов Н. А.** Стихотворения. Кому на Руси жить хорошо. Изд-е 6-е. М.: Детская лит-ра, 1977. 287 с.
15. **Перкас С. В.** Парадигматические и синтагматические аспекты лингвистического потенциала топонимов в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1980. 16 с.
16. **Слышкин Г. Г.** Прецедентный текст: структура концепта и способы апелляции к нему // Проблемы речевой коммуникации: сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2000. С. 62-68.
17. **Харченко В. К.** На звенящих каналах усердия и милосердия. Стихи. Заметки о стихосложении. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. 144 с.
18. **Чернухин И. А.** Город надежды: книга стихов. Белгород: ОАО «Белгородская областная типография», 2006. 320 с.
19. **Яснова Л.** Зеркала. Новокузнецк: Союз писателей, 2015. 96 с.
20. <http://www.stihi.ru/avtor/fotos> (дата обращения: 15.11.2015).
21. <http://www.rozenbaum.ru/#!/poetr> (дата обращения: 15.11.2015).

CAN A TOPONYM BE PRECEDENT?

Levina Ella Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Belgorod State National Research University
elevina@rambler.ru

The article examines precedent toponyms which are interpreted as the widely known onyms used in the text not so much to designate the specific object (country, city, urban objects, etc.) but as a cultural sign, symbol of the certain historical events, destinies, etc. The author argues for the thesis that toponyms can metonymically designate the certain events, people, epochs, time periods, etc. and in this case the precedentness comes out as a result of metonymical transfer which allows postulating the metonymical nature of precedentness.

Key words and phrases: precedentness; precedent statement; precedent toponym; precedent situation; metonymical use of a toponym.

УДК 81.1

В статье рассматриваются некоторые аспекты соотношения между текстом оригинала и текстом перевода через призму нарушения межъязыковой нормы. Межъязыковая норма определяется как совокупность правил для определения соответствий между единицами исходного и переводящего языков, существенную для данного текста с учетом норм литературного языка и в соответствии с функциональным стилем. Основное внимание в статье уделено анализу примеров нарушения межъязыковой нормы на уровне лексики, грамматики и стилистики.

Ключевые слова и фразы: межъязыковая норма; межъязыковая вариативность; инвариант; лексико-семантическая сочетаемость; грамматическая сочетаемость; речевые ошибки; языковые ошибки; нарушение межъязыковой нормы.

Лекомцева Ирина Алексеевна, к. филол. н.
Санкт-Петербургский государственный университет
rainbow5@mail.ru

НАРУШЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Размышления о переводе начинаются, как правило, с характеристики отношений между двумя объектами: оригиналом и переводом [5, с. 50]. Одним из инструментов определения такого рода отношения являются правила межъязыковой нормы. В теории перевода межъязыковая норма определена как совокупность правил для определения соответствий между единицами исходного и переводящего языков, существенную для данного текста [1, с. 78]. Межъязыковая норма устанавливает границы межъязыковой вариативности на уровне лексики, грамматики, стилистики и текста. Отметим, что набор правил не является строго ограниченным: при переводе необходимо передать инвариантную информацию, а в каждом языке существует

целый арсенал средств, вариантов для того, чтобы выразить ту или иную мысль, соответственно, установление границ межъязыковой нормы носит относительный характер.

Иными словами, при переводе происходит реализация двух или более вариантов с сохранением инвариантности по отношению к оригиналу, т.е. при переводе необходимо сохранить «неизменность свойств величин, единиц, связанных с какой-либо системой (оригинальным текстом), и остающееся неизменным при всех преобразованиях этой системы (текст / тексты перевода)» [3]. Установление инварианта основано на установлении предметно-логического значения языковых единиц и их текстовых функций на всех языковых уровнях текста: лексическом, грамматическом, стилистическом.

Приведем в данной статье примеры нарушения межъязыковых норм, т.е. те случаи, когда между текстом перевода и текстом оригинала не сохранены отношения инвариантности. Обратимся к примерам:

Таблица 1

<p><i>In another lightning cascade of thought I see the man from Sotheby's as he concludes the inspection of Helen and turns away – then turns back as his eye falls on the boarded-up fireplace beneath it... And I find I have the first glimmerings of a plan of action in my mind, and on my tongue. – Hang on for a couple of days first, – I say, with a smile [7, p. 49]</i></p>	<p>За долю секунды в моем воображении проносится каскад образов: вот эксперт из «Сотби» заканчивает осмотр «Елены» и уже собирается уходить, как взгляд его останавливается на холодном камине, прикрытом деревянной панелью... У меня мгновенно возникает план, и не успеваю я опомниться, как язык уже начинает этот план реализовывать. – Нет, подождите денька два, – говорю я с улыбкой [6]</p>
---	---

Проанализируем только одно предложение из данного отрывка, оно выделено жирным шрифтом. Интересно отметить, что если рассмотреть данное русское предложение с точки зрения соблюдения языковых норм русского языка без сопоставления с английским предложением, то можно сказать, что данное предложение могло бы встретиться в определенном типе контекстов: оно построено в соответствии с правилами грамматической сочетаемости, хотя в определенной степени в нем нарушена лексико-семантическая сочетаемость (*язык уже начинает этот план реализовывать*), тем не менее, нарушение лексической сочетаемости можно рассмотреть в качестве стилистического приема олицетворения с целью создания комического эффекта, усиления образности, экспрессивности и эмоциональности текста.

Однако если сравнивать эти два предложения на предмет соблюдения правил межъязыковых норм, то при переводе происходит их нарушение. При переводе передана только фраза *I have a plan of action / «у меня возникает план»*, однако другие «структурно-семантические узлы» (термин Я. И. Рецкера) в данном предложении остаются не переданными или переданы не равнозначными средствами.

Так, не передан ни с точки зрения семантики, ни с точки зрения текстовых функций соединительный союз *and* – на первый взгляд, незначительного элемента текста. В исходном тексте помимо своей основной функции логического присоединения он реализует несколько текстовых функций, а именно: функцию логического и интонационного подчеркивания соединяемых союзами единиц при создании стилистического эффекта нарастания. Многосоюзиe может вносить смысловые оттенки, нюансы, как, например, в данном случае главный герой не может контролировать описываемые действия. Рассматриваемый соединительный союз *and* находится в сильной позиции, поскольку он стоит последним в ряду союзов, которые выполняют экспрессивную функцию, создавая эффект нарастания, но и находится после использования стилистического приема апосиопезы, т.е. умолчания – автор сознательно не до конца выражает мысль, предоставляя читателю самому догадаться о недосказанном, и обуславливает эффект обманутого ожидания, т.е. рассматриваемое предложение является неожиданным элементом с низкой степенью предсказуемости в данной речевой цепочке [2, с. 34]. Умолчанию предшествует подробное описание ситуации, на основании которого читатель может догадаться о чувствах, переполняющих главного героя¹.

Не соблюдена межъязыковая норма при передаче контекстуального эллипсиса, т.е. пропуска того или иного члена предложения, легко восстанавливаемого из контекста, поскольку смысловая ясность обеспечивается смысловым и / или синтаксическим параллелизмом [4, с. 158]. В переводе эллипсис оказался не передан равнозначными средствами. В стиле художественной речи текстовая функция эллипсиса заключается в создании максимально компактного высказывания, необходимого для динамичной коммуникации, эллиптические предложения придают высказыванию напряженно-эмоциональный характер и помогают выделять наиболее важные для сообщения элементы. В тексте перевода, напротив, в результате нарушения соотношения имплицитной и эксплицитной информации эллипсису соответствует многословная тяжеловесная структура *on my tongue / «язык уже начинает этот план реализовывать»*. Можно предположить, что поскольку эллипсис передает смысловой оттенок неконтролируемости действий рассказчиком, то все в силу того же нарушения эксплицитной и имплицитной информации в тексте перевода данная функция эллипсиса выражена неравнозначными средствами, а именно экспликацией заложенных в стилистическом приеме эллипсиса «затекстовых», имплицитных смыслов: *и не успеваю я опомниться*.

¹ Данный отрывок является одним из наиболее важных в организации всего последующего повествования романа – главный герой романа, искусствовед, впервые увидел неизвестную картину Питера Брейгеля, нидерландского художника XVI века, в доме своего соседа в одной английской деревушке и, опасаясь, что сосед может пригласить другого эксперта для оценки картины, задумывает головокружительную махинацию с целью завладеть бесценным произведением искусства.

Более того, в тексте перевода осталась не переданной фраза *the first glimmerings of a plan of action*, в которой существительное *glimmering*, которое является ядром данного словосочетания, может быть определено как *a faint sign of a feeling or quality, especially a desirable one* [8]. В тексте перевода ядерную позицию занимает фраза *план действий* (т.е. предварительно обдуманное действие, заранее спланированное действие), значение которой прямо противоположно исходной фразе с ядерным компонентом *glimmerings*, в результате чего в тексте перевода присутствует фактическая ошибка.

Таким образом, если целью перевода является воссоздание художественного текста на языке перевода, аналогичного по своим свойствам и художественным достоинствам исходному тексту, то в данном случае эта цель не была достигнута вследствие несоблюдения правил межъязыковых норм при переводе.

Соблюдение межъязыковой нормы при переводе можно проанализировать не только на лексическом и стилистическом уровнях, но и на уровне грамматики: межъязыковых норм передачи морфологических и синтаксических элементов. Рассмотрим следующий пример:

Таблица 2

<i>Things have to get worse between us before they can get better</i> [7, p. 54]	Чтобы сделать мои отношения с женой еще лучше, я вынужден их сначала ухудшить [6]
--	---

В результате грамматических преобразований синтаксического комплекса с придаточным темпоральным, выражающего в оригинале таксисные отношения, и калькирования лексических единиц в переводе появляется искусственная для русского языка фраза с точки зрения лексической сочетаемости между языковыми единицами. С точки зрения грамматической сочетаемости данное предложение не противоречит нормам русского языка, однако оно не соответствует интенциональному смыслу оригинального предложения: если в исходном тексте сложноподчиненное предложение с придаточным темпоральным передает идею предшествования одного события другому, то в переводе сложноподчиненное предложение цели выражает идею целевого значения, запланированного действия. Более того, текст перевода характеризуется ошибочным выбором модальности: в исходном тексте в качестве субъекта действия выступает неодушевленное существительное *things* и выражена глаголом *to have to* модальность обреченности в силу каких-либо обстоятельств, что предопределяет независимость протекания действия от воли главного героя. Напротив, в тексте перевода представлена модальность долженствования (*вынужден*) и в качестве субъекта действия выступает одушевленное лицо, т.е. главный герой.

Интересно отметить, что нарушение межъязыковой нормы происходит и при переводе в условиях сходства морфологических форм:

Таблица 3

<i>Much better to let her guide me through the undergrowth with no knowledge of where we are heading, so that she is led gently, step by step, to discover my discovery for herself</i> [7, p. 69]	Лучше всего будет позволить ей вести меня сквозь дебри иконографии, но не давать ей знать, где в конечном счете я хочу оказаться, так, чтобы она сама постепенно, шаг за шагом сделала то открытие, о котором я пока не решаюсь ей сообщить [6]
--	---

Решение переводчика в пользу выбора варианта перевода с сохранением сходных морфологических форм (*to let her guide me* / «позволить ей вести меня») приводит к появлению в тексте перевода искусственного для русского языка предложения. Иными словами, грамматические свойства языковых единиц в условиях сходства морфологических форм могут не совпадать, поэтому передача языковых единиц языковыми единицами с аналогичной морфологической формой иногда приводит к нарушению межъязыковых норм при переводе. Смысловые сдвиги, вызванные данными структурными кальками / преобразованиями, отягощаются также не сохранением в переводе смыслового центра всего предложения: в переводе не передано логическое противопоставление, выраженное с помощью антонимической пары (*to let her guide – she is led gently*) с целью раскрытия противоречивой сущности отношений между главным героем произведения и его женой. Не передана игра слов, выраженная в оригинале тавтологией (*to discover my discovery*): передана только фактическая, семантическая информация, однако не переданы текстовые функции повтора однокоренных слов.

Итак, приведенный анализ показывает, что при переводе в результате нарушения межъязыковой нормы не сохраняется принцип инвариантности. При этом интересно отметить, что иногда при несоблюдении правил межъязыковой нормы в тексте перевода очевидны языковые и / или речевые ошибки. Однако зачастую текст перевода может и не противоречить нормам языка перевода, а случаи нарушения межъязыковой нормы могут быть выявлены только в результате сопоставительного анализа исходного и переводного текста с точки зрения соблюдения / несоблюдения правил межъязыковой нормы.

Список литературы

1. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. СПб.: ИнЪязиздат, 2006. 535 с.
2. Лапшина М. Н. Стилистика современного английского языка = English Stylistics. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2013. 270 с.
3. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophi-terms.ru> (дата обращения: 28.01.2016).

4. Петрова Е. С. Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2011. 375 с.
5. Попович А. А. Проблемы художественного перевода. М.: Высшая школа, 1980. 245 с.
6. Фрейн М. Одержимый [Электронный ресурс] / пер. с англ. К. М. Корсакова. URL: <http://www.e-reading.link/book.php?book=1003292> (дата обращения: 28.01.2016).
7. Frayn M. Headlong. London: Faber and Faber, 1999. 394 p.
8. Oxford Dictionary of English [Электронный ресурс]. URL: <http://oxforddictionaries.com> (дата обращения: 28.01.2016).

BREAKING THE INTERLINGUAL NORM WHILE TRANSLATION

Lekomtseva Irina Alekseevna, Ph. D. in Philology

Saint-Petersburg State University

rainbow5@mail.ru

The article examines some aspects of correlation between the original text and text for translation through the lenses of breaking an interlingual norm. The interlingual norm is defined as collection of rules to determine the correspondences between the items of the original and translating languages and as essential for this text taking into consideration the norms of a literary language and in accordance with a functional style. Special attention is paid to the analysis of examples of breaking the interlingual norm at the level of vocabulary, grammar and stylistics.

Key words and phrases: interlingual norm; interlingual variability; invariant; lexical and semantic compatibility; grammatical compatibility; speech errors; language errors; breaking an interlingual norm.

УДК 81'373

Статья посвящена специфике русского православного дискурса и его лексико-семантическим особенностям. Основное внимание уделяется семантической двуплановости лексики православия и семантическим расхождениям между «религиозными» и «светскими» планами содержания словесных единиц сферы «Православие» при их реализации в соответствующих типах дискурса.

Ключевые слова и фразы: православие; православная лексика; семантика; православный дискурс; религиозная коммуникация.

Матей Игорь Константинович, к. филол. н.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

mateiik@yandex.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДИСКУРСА

В последние десятилетия православное религиозное мировоззрение стало объектом изучения многих гуманитарных наук: философии и психологии, истории и педагогики, литературоведения и лингвистики. В современном языкознании исследуются богослужебный язык Церкви, религиозные тексты, речь верующих и языковые единицы названного типа речи, особенности религиозной коммуникации и православный дискурс в целом. До настоящего времени спорным остается вопрос о статусе «языка» верующих. Названный феномен рассматривают, с одной стороны, как особую социальную разновидность национального русского языка [11], как особый функциональный стиль русского литературного языка [9], как особый «социолект» или «религиолект» [2], а с другой стороны, – как специфическую форму реализации национального русского языка в религиозной коммуникативной среде, как религиозный (православный) дискурс [1]. Последний из названных подходов представляется наиболее правомерным. На наш взгляд, феномен православного русского «языка» и православной коммуникации невозможно описать с помощью терминов, обозначающих структурно ограниченные языковые образования. Данное обстоятельство обусловливается и историческими причинами. В процессе формирования языка православия для большинства носителей славянских языков, в том числе русского языка, не существовало понятий массового атеизма или мировоззренческой принадлежности к другим религиям или философским течениям и в языковом сознании народа церковные смыслы не выделялись из родного языка в отдельную группу или подязык. В социокультурной ситуации современной России многие носители русского языка не являются верующими или воцерковленными и не обладают достаточной полнотой знания традиционной православной культуры, но при этом в религиозной сфере общения пользуются особым, «православным» вариантом русского языка, особенности которого определяются, прежде всего, социально-коммуникативными признаками. Для именованного такого языкового и коммуникативного феномена наиболее правомерным, на наш взгляд, является термин «православный дискурс».

Как показывают исследования, в соответствии с идеей взаимного обмена между различными типами дискурса православный дискурс не является замкнутым и не ограничивается только церковной средой. Справедливыми представляются замечания ученых о возможности пересечения и сближения православного дискурса с публицистическим, научным, официально-деловым и разговорным дискурсами при сохранении своей уникальности [19].